

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XIV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

В четырех книгах

*Ответственный редактор
Е.Г. Ясин*

4

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2014

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012
Ч-54

*Идеи и выводы авторов не обязательно отражают
позиции представляемых ими организаций*

ISBN 978-5-7598-1122-0 (кн. 4)
ISBN 978-5-7598-1118-3

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.М. Weeks-Earp

Pathways into Teaching: Preliminary Findings..... 11

И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина, Л.М. Филатова, Е.А. Николаенко

Тенденции развития научно-педагогических кадров в России 19

Е.В. Аржаных, В.В. Мойсов

Профессиональные ориентации учащихся с инвалидностью 32

О.О. Замков, А.А. Пересецкий

Динамика влияния оценок ЕГЭ на последующие результаты студентов
бакалавриата МИЭФ НИУ ВШЭ 40

Е.А. Князев, **Н.В. Дрантусова**

Институциональная дифференциация
в российском высшем образовании 50

Е.Ю. Колесникова, Е.М. Новикова

Семья как фактор формирования мотивации на получение высшего
профессионального образования у учащихся с инвалидностью..... 59

С.Г. Косарецкий, Г.А. Ястребов, М.А. Пинская, А.Р. Бессуднов

Проблема контекстуализации образовательных результатов
в школах: социальный состав учащихся и уровень депривированности
территорий 69

Т.В. Натхов, Н.С. Козина

Неравенство возможностей в образовании.
Межстрановый анализ по данным PISA 2009 78

Е.В. Шевчук

Применение механизмов государственно-частного партнерства
в образовательной и научной сферах: опыт развитых стран и перспективы
его использования в России 91

СОЦИОЛОГИЯ

G. Mandić

Home Boundaries, Everyday Cultures and Capabilities101

C. Morrison	
	Beyond Nostalgia? Class Identity, Memory and the Soviet Past in Russia and the “Near Abroad” 108
А.М. Алмакаева	
	Доверие ингруппе и аутгруппе в сравнительной перспективе115
А.Е. Дубова	
	Неформальная экономическая деятельность полицейских в трансформирующихся странах: укорененность в полицейской культуре124
И.И. Иванова	
	Анализ языка самоописания участников добровольческого движения135
И.М. Козина	
	Трудовые отношения в условиях лизинга персонала.....143
Е.И. Лыткина	
	Аномия: новый подход к операционализации классического понятия152
И.В. Задорин, Д.В. Мальцева	
	Проект «Открытое мнение» — эксперимент по проведению социологического исследования в формате <i>collaborative open research</i>162
А.Р. Михеева	
	О возможности интеграции макро- и микроподходов в социологии семьи172
С.В. Мозжегоров	
	Проблема социального статуса сексуальных меньшинств и концепция К. Пламмера «интимное гражданство»180
В.В. Мойсов, И.В. Задорин	
	Интеграционные настроения стран постсоветского пространства189
Е.С. Петренко	
	События конца XX в. в памяти россиян 203
А.И. Пишняк, Н.В. Халина	
	Социальный и экономический обмен: есть ли место рыночным отношениям между родителями и детьми?211
В.С. Харченко	
	Особенности образа жизни фрилансеров: перспективы социологического анализа219

А.П. Хомякова	
Экопоселения в России: проблемы и перспективы развития	229
М.А. Шабанова	
Успешные экономические акторы в проблемной социально-правовой среде: инновационное и адаптационное поведение	240

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Ph. Bouquillion	
Financialization and the Linkages between Cultural Industries and Communication Industries	253
P. Diem	
Online Research for Electronic Media	261
J. Grimm, Ch. Grill	
Holocaust Reception and National Identity. Results of a Media Effects Study in Russia.....	270
Д.А. Волков	
Социальный портрет участников и лидеров движения «За честные выборы»	289
С.Г. Давыдов	
«Открытое мнение»: опыт совместных электоральных исследований	298
А.Г. Качкаева, И.В. Кирия, С.Г. Давыдов, А.А. Новикова	
Освещение деятельности власти и оппозиции ведущими российскими телеканалами в период думских и президентских выборов 2011–2012 гг.	305
И.В. Кирия, А.А. Новикова	
Депрессивное медиапотребление	317
Е.В. Лукашевич, А.Г. Сидорова	
Оценка эффективности коммуникации органов государственной власти Алтайского края с населением: стратегии и технологии	338
С.А. Шомова	
Традиции смеховой культуры в лозунгах российского митинга	347

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

N.A. Abramova, S.V. Kovriga, R.U. Portsev, T.A. Telitsyna	
On the Problem of Human-Induced Risks and Verification of Models of Social and Economic Systems.....	357
A.P. Бахтизин, Е.Д. Сушко	
Использование агент-ориентированных моделей и геоинформационных систем для задач муниципального управления.....	367
C.A. Варганов, А.А. Васин	
О свойствах и устойчивости равновесий в модели электорального поведения избирателей	373
A.H. Визгунов, А.А. Готов	
Сравнительный анализ фондового рынка России и стран БРИК на основе модели графа рынка.....	382
A.A. Кочетуров, М.В. Бацын, П.М. Пардалос, Б.И. Гольденгорин	
Анализ финансовых рынков средствами модели о p -медианах	394
Е.Д. Сушко	
Модель предприятия и ее взаимодействие с моделью работника в мультиагентной модели региона.....	403
Д.С. Шмерлинг, Е.И. Кожуховская, П.О. Рыдванская	
Возможности многоуровневых моделей политико-стратегического планирования	411
Е.А. Юрескул	
Влияние внешних условий при измерении эффективности государства методом <i>Data Envelopment Analysis</i>	421

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВШЭ

Ю.А. Веселова	
Сложность порядковых правил коллективного выбора.....	431
В.В. Дамье	
Экологическое движение в ФРГ и политическая власть: от гражданских инициатив к партии «зеленых»	439
Р.У. Камалова, Ф.Т. Алескеров, М. Холлер	
Распределение влияния в рейхстаге Веймарской Германии в 1919–1933 гг.....	449

Г.В. Лукьянов	
Права человека в «развивающемся» обществе в условиях транзита власти: концепт нормативного дискурса и элемент политической реальности (на примере Ливии).....	458
С.А. Рагозина, А.Л. Рябинин	
Политическая власть, религия и права женщин в Египте и Тунисе до и после «арабской весны»	467
И.В. Соболева	
Карл Шмитт и Мишель Фуко: пределы совместимости концепций суверенитета и легитимности власти	477
А.Ю. Сунгуров, Е.А. Глухова	
Институт Уполномоченного по правам человека в период подъема общественно-политической активности: свой среди чужих, чужой среди своих	485
И.А. Томашов	
Конструирование исторической памяти как фактор внутренней политики в современной России.....	494

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ИНДУСТРИЯ: МЕДИАПЛАТФОРМЫ И ЖАНРЫ

О.В. Веселова	
Новые жанры российского телевидения — ситкомы: адаптированные и оригинальные	505
С.А. Медведев	
Музыкальный видеоклип в эпоху YouTube	512
А.В. Прохоров	
Нишефикация российского телепроизводства: мистические сериалы как направление	519

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ВШЭ

О.С. Грязнова	
Запрос населения на государственную социальную поддержку и оценка ее косвенных последствий.....	529
Е.А. Орел, Т.Е. Хавенсон	
Субъективное благополучие и удовлетворенность институтами: структура и оценка степени гетерогенности ответов в европейских странах.....	540

И.В. Сохань

Императив худого тела в современном массовом обществе
и актуальные гастрономические стратегии 554

ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВШЭ

С. Ларина, Ю.В. Кузьмина

Стало ли российское образование эффективнее за восемь лет?
(на данных международного исследования PISA) 565

О.В. Польдин, М.М. Юдкевич, Г.В. Андрущак, Д.Р. Валеева

Как социальные связи студентов обеспечивают эффекты обучения 575

Г.В. Лукьянов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В «РАЗВИВАЮЩЕМСЯ» ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ: КОНЦЕПТ НОРМАТИВНОГО ДИСКУРСА И ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (на примере Ливии)

В данной работе предлагается рассмотреть права человека в качестве неотъемлемого и трансформирующегося под культурно-политическим воздействием региональных и глобальных факторов концепта политического дискурса в развивающихся незападных обществах.

Представляя этот концепт с точки зрения инструменталистского подхода в качестве элемента программы отдельных политических групп (будь то находящиеся у власти силы или оппозиционные объединения), мы предлагаем воспринимать его в качестве устойчивого элемента политической культуры и порождаемого ею политического дискурса, выполняющего конкретные функции в рамках действующей политической системы. При анализе ливийского случая инкорпорации, развития и дальнейшего использования концепта прав человека в политическом дискурсе в качестве преобладающих были определены выполняемые им функции адаптации политической системы в целом и ее отдельных элементов к условиям сосуществования с внешней средой, а также функция легитимации внутри самого социума.

Выбор ливийского примера не случаен, так как именно в этой стране в силу объективных и субъективных условий исторического развития сложилась уникальная во многих отношениях система социально-политических отношений [Vandewalle, 2006, p. 9–10], в которой с определенного момента концепт прав человека стал играть намного более важную роль в складывании модели взаимодействия между обществом и властью, чем в соседних государствах. Ключевым элементом этих отношений являлся эффект от реа-

лизации почерпнутого из теоретических изысканий М. Каддафи принципа «правления масс» посредством создания особой формы правления (джамахирии), предусматривающего отказ от представительной модели демократии в пользу признания за народом неотъемлемого права самостоятельного осуществления власти. При этом в условиях складывания авторитарного режима личной власти, стремящегося помимо всего прочего обеспечить собственную сохранность [Vandewalle, 1998, p. 67] вопрос видоизменения и трансформации концепции прав и свобод, их соотношения с другими постулатами и ценностями, сохранял и приумножал свою актуальность в течение всего периода существования данной системы (1977–2011).

В 1977 г. принятая Всеобщим народным конгрессом Ливии Декларация об установлении власти народа ознаменовала создание Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД). Новое государственное образование, основанное на концептуальных изысканиях лидера ливийской революции 1969 г. М. Каддафи, отрицало следование моделям социально-политической коммуникации и институционализации, принятым в европейском и арабском мире того времени, предпочитая представительной демократии декларируемое стремление к отстаиванию позиций прямой демократии. Условия осуществления «власти народных масс» были раскрыты в догматичном труде М. Каддафи «Зеленая книга». [Gaddafi, 1976; 1978; 1979] Учитывая, что с 1977 по 2011 г. в Ливии так и не была принята конституция страны, основой для новой политической системы стали постулаты «Зеленой книги», которая наравне с другими текстами М. Каддафи, его директивами, декларациями и резолюциями Всеобщего народного конгресса сформировали корпус источников нового конструируемого политического дискурса [Рясов, 2005]. Анализируя последний на базе ливийских официальных документов, выступлений политиков и служащих, средств массовой информации, можно говорить о появлении собственного языка и терминологического аппарата, а также набора культивируемых и акцентированных ценностей.

В условиях постоянной трансформации «повестки дня» ни один дискурс не может оставаться статичным. Вследствие этого должны трансформироваться старые или появляться новые источники дискурса.

Что касается концепта прав человека, то данная тема появилась в качестве самостоятельного элемента политического дискурса в Ливии в конце 1980-х годов. Тогда же вслед за «Зеленой книгой» появились и соответствующие новым тенденциям свои источники дискурса, что напрямую связано с изменением внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации, а именно: с нарастанием социально-экономической нестабильности вследствие ухудшения отношений ливийского руководства с правительствами европейских и арабских стран в силу проводимой им политики [St John, 1987] и обо-

стрения межакторных противоречий внутри самой политической системы [Niblock, 2001, p. 76–82]. В условиях декларируемого отказа от институтов государственности режим М. Каддафи создал себе вполне институциональную опору в виде так называемых революционных комитетов, призванных обеспечивать политическую лояльность [Смирнова, 1992, с. 74–82]. Отсутствие регуляторов и ограничителей их деятельности привело к нарушению баланса политического взаимодействия и подрыву стабильности системы, что поставило на повестку дня необходимость выработки новых механизмов и концептов легитимации власти в контексте восстановления примата народа как источника власти и самоуправляемой общности.

Инструментом, с помощью которого режим смог бы эффективно реагировать на новые вызовы, оказался не столько институт, сколько концепт прав человека. Это отличие в понимании имеет принципиальное значение, поскольку дает наиболее полное представление о сущности описываемого явления, его места, роли и формы в ливийской политической культуре. С одной стороны «популярный» в европейских странах, с другой — неприемлемый для политических элит в арабских и африканских странах, концепт прав человека в течение долго периода в большинстве стран арабского мира, где существовали или существуют авторитарные режимы различных типов, так и оставался не реализованным институтом, а лишь дискуссионным понятием.

В 1988 г. Всеобщий народный конгресс Ливии принял Зеленую декларацию прав человека [Великая Зеленая Декларация...], призванную с инструменталистской точки зрения продемонстрировать всему остальному миру готовность режима следовать в фарватере общемирового набора ценностей и социальных ориентиров, а собственному населению — стремление отстаивать его чаяния в конфликте с террором революционных комитетов. Не вдаваясь в подробности содержания названной декларации и не приводя список провозглашенных в ней прав и свобод ливийского гражданина [Лукиянов, 2012], отметим, что в дальнейшем этот документ стал одним из основных в комплексе фундаментальных текстовых источников властных отношений, который, в свою очередь, развивался, включая в себя все новые и новые документы. Так, принятая в 1997 г. Хартия прав и обязанностей женщин в Джамахирийском обществе продолжила начатый в Зеленой декларации курс на регламентацию и формализацию положения женщин, позволивший Ливии значительно продвинуться на декларативном и реальном уровне по пути развития института прав женщин по сравнению с другими странами арабского мира [Coleman, 2012, p. 222–224].

Следует отметить, что принятая в 1990 г. Хартия революционной законности, ставшая еще одним фундаментальным нормативным актом в истории каддафистской Ливии, в качестве документальных источников этой самой

законности и легитимности принимаемых решений уже предлагала считать наряду с Зеленой книгой и Декларацией об установлении власти народа и Зеленую декларацию прав человека [Козырин, 1992, с. 92]. Весь этот документальный комплекс можно считать своеобразным аналогом не существовавшей при Каддафи ливийской конституции. В свою очередь, именно Зеленая декларация стала эквивалентом раздела конституции любого другого арабского государства, посвященного личности, ее правам и свободам [Сапронова, 2001, с. 164–172], а также включающего положения, которые основывались на едином понимании ислама как источника правовой традиции [Сюкияйнен, 1997; Ayoub, 1987].

В контексте вышеизложенного следует подробно остановиться на четырех принципах существования прав человека, из которых исходит их ливийская трактовка по М. Каддафи в соответствии с Зеленой декларацией. Надо отметить, что три из них отличны от характерных для любой арабской конституции:

1) «права человека, преемника Аллаха на Земле, не могут дароваться кем бы то ни было»;

2) права человека не могут «существовать в обществе насилия и эксплуатации»;

3) «права человека не могут быть гарантированы в мире, где существуют те, кто правит, и те, кем правят, где есть власть имущие и этой власти подчиняющиеся, где есть богатые и бедные»;

4) права человека не могут «осуществляться без победы масс над палачами и исчезновения режимов, подавляющих свободу, а утверждают свою власть и укрепляются на земле, когда народ становится хозяином через народные конгрессы».

В условиях сочетания декларативного признания постулатов о естественном происхождении и равенстве доступа к правам человека и невозможности их реального соблюдения в условиях жесткого подавления со стороны государства мы становимся свидетелями продвижения представлений о правах человека как о цели, которой необходимо достичь путем свершения революции на государственном, региональном и глобальном уровнях.

В этом ключе события так называемой «арабской весны» в Ливии, революционные события по свержению правящего режима М. Каддафи могут быть не чем иным, как следованием постулатам Зеленой декларации. Ведь не просто так в ней говорится о возможности получения народом конкретных прав путем «победы масс над палачами и исчезновения режимов, подавляющих свободу». Революция представляется здесь не только как единожды свершившийся исторический факт, а как повторяемая процедура реализации интересов народа. В таком свете последовавшие в 2011 г. революционные

процессы могут служить подтверждением тому, что отраженные в источнике официального политического дискурса М. Каддафи постулаты носят не только нормативный предписывающий характер. Они фактически могут отражать реально происходящие в ливийском обществе процессы в том случае, если таковая революция стала возможна и в ней приняла участие значительная часть политической элиты, а не только рядовое население.

Тем не менее возникает другой вопрос: что в конкретном кейсе анализа мотивации общественного поведения в условиях транзита власти и развития общества в пред- и послетранзитный период первично, т.е. в наибольшей степени оказало влияние на сознание населения, выступившего против режима и находящегося перед необходимостью создавать новую систему социально-политических отношений. В контексте рассмотрения дискурса мы можем предложить как минимум два варианта: традиционная политическая культура, сформировавшаяся в результате исторического развития племенного общества в долгосрочной перспективе, или же тот дискурс, та самая реальность, что была сконструирована в результате воздействия официальной идеологии на умонастроения населения в течение более 40 лет правления М. Каддафи.

Этот вопрос не имеет однозначного ответа, что несколько не преуменьшает его значимости и актуальности в контексте понимания того, насколько политическая культура современного ливийского общества «без Каддафи» основывается на предложенной им модели восприятия бытия, и в частности, прав и обязанностей гражданина. Можно лишь предположить, что ответ находится где-то посередине.

Казавшаяся долгое время инновационной и радикально трансформационной внутренняя политика М. Каддафи не просто учитывала, но и многократно воспроизводила отдельные нормы и установки традиционного общества, создавая гибрид современного и традиционного. С точки зрения традиционных элит эта политика выглядела как реформистская, но, на взгляд самих реформистов, существовавших в тренде преобразований, которые происходили в других, отчасти более развитых, арабских государствах, — действия Каддафи расценивались как дикость [El Fathaly, Palmer, Chackerian, 1977, p. 45–67]. Тем не менее эта гибридная форма, благодаря сочетанию различных начал, оказалась достаточно жизнеспособной, чтобы просуществовать в течение четырех десятилетий под мощным воздействием со стороны внешней среды и внутрисистемных оппозиции, а также обеспечить укрепление в политической культуре важных элементов. Речь идет о том, что благодаря правлению Каддафи, несмотря на ситуацию в соседних странах и геокультурную близость к Европе, в Ливии наравне с установками современного общества сохранились и трансформировались с учетом времени нормы и нарративы общества племенного.

Далеко не последнее место в числе этих нарративов занимает комплекс неотъемлемых естественных прав и свобод членов общества, как индивидов, так и их совокупности в составе конкретных племенных или других социальных объединений. Реализованное ливийцами в 2011 г. право на свершение революции от имени народа представляет собой не столько следование региональному социально-культурному тренду под названием «арабская весна», но и реализацию традиционного права смены вождя племенного союза, инструментализированного в правление Каддафи посредством развернутой идеологической системы и обозначенного нами комплекса источников нормативного дискурса. Налицо влияние дискурса на складывание объективной существующей реальности.

В период самой «революции 17 февраля» и гражданской войны в Ливии начавшийся процесс транзита власти оказался в центре мирового внимания в свете геополитического и экономического положения этой страны. Информационный аспект ливийского кризиса внимательно изучается исследователями [Егорин, 2013; Chivvis, 2013]. В данном контексте важное место занимает концепт прав человека. Актуализация темы прав человека началась 15–16 февраля, когда на ленты мировых информационных агентств начали поступать сообщения о волнениях в Бенгази, Бейде и других ливийских городах. Практически сразу же, основываясь на материалах СМИ и официальных заявлениях различных лиц, можно говорить о дихотомии самого этого понятия в политическом дискурсе сразу по нескольким параметрам.

Во-первых, иностранные наблюдатели и комментаторы, будь то журналисты, политики или обыватели, в течение всего конфликта (февраль — октябрь 2011 г.) применяют термин «права человека» в контексте описания нарушения прав личности со стороны правящего режима и подконтрольных ему органов обеспечения безопасности [Chivvis, 2012]. Сторонники режима Каддафи и сам лидер революции 1969 г. используют термин «права человека и народа», апеллируя к коллективным ценностям и социальным ориентирам, речь о которых идет в принятых ими догматических документах. Не вдаваясь в подробности рассмотрения вопросов политизации позиций сторон, следует обратить внимание на разность восприятия концепта прав человека с точки зрения различия в содержании.

Во-вторых, в рамках начавшегося внутрививийского конфликта весомый вклад в его развитие внесла деятельность Совета ООН по правам человека. Впервые в своей истории эта организация использовала против конкретного государства процедуру приостановления членства в Совете в связи с нарушением его правительством норм соблюдения прав человека [Резолюция совета ООН...]. В условиях отсутствия единого понимания сущности данного явления и набора конкретных прав и свобод, признаваемых в том числе

и на официальном уровне всеми участниками политического процесса, принятое консенсусом решение породило прецедент новой формы подчинения дискурсного концепта политическим интересам [Ходынская-Голенищева, 2013, с. 111–115] в ущерб институциональному развитию как элемента активной политической реальности демократического общества.

В-третьих, после смерти М. Каддафи 20 октября 2011 г. членство Ливии в Совете ООН по правам человека было восстановлено, в то время как конфликт в стране перешел в новую фазу, а по результатам наблюдений правозащитных организаций ситуация в области прав человека не изменилась в лучшую сторону. Вместе с появлением новой дихотомии понятия «права человека» на уровне соотношения представлений НПО и НКО, с одной стороны, и международных органов ООН, с другой, еще более усугубился диссонанс несоответствия его восприятия между ливийцами и всем остальным миром. Своеобразное символическое поощрение со стороны международного сообщества в сфере прав человека, сделанное исходя из политических интересов, легализовало в глазах рядового населения акты насилия против прав личности, сделав этот институт заложником политической конъюнктуры в долгосрочной перспективе. Примером тому можно считать ситуацию с правами женщин на прошедших в июле 2012 г. выборах во Всеобщий национальный конгресс [Лукиянов, 2012].

Таким образом, в Ливии тема прав человека стала неотъемлемым элементом официальной идеологии и пропаганды, выполняя важную функцию легитимации политического режима как на внутривнутриполитическом поле, так и на внешнеполитической арене и во время правления Каддафи, и после начала процесса транзита власти, не завершившегося по сей день. Права человека здесь не могут считаться предметом лишь протестного антиавторитарного дискурса, нередко в условиях данного региона носящего деструктивный характер, а представляют собой более фундаментальный элемент политической культуры.

Тот факт, что режим Муаммара Каддафи в Ливии, просуществовав более 40 лет, стал одним из самых долговечных на всем африканском континенте, служит лишь косвенным доказательством того, что избранная им модель идеологических конструктов (в том числе и прав человека) позволила ему сохранить легитимность своей власти в течение столь длительного срока. Но именно в силу долговременности функционирования идеологического аппарата и его воздействия на население своеобразному изменению подверглась политическая культура в целом, а концепт прав человека стал ее важной составляющей. Вследствие того, что сам концепт в данной формулировке является заимствованным и не присутствует в традиционной культуре ливийцев под этим названием, актуальным и полезным видится дальнейшее изучение

последовательного и поэтапного процесса его включения в дискурс и положения в условиях насильственного транзита власти.

В доказательство тезиса о взаимовлиянии, оказываемом дискурсом на реальную жизнь и наоборот, на реальных примерах в данном исследовании было показано, что конструкты, именуемые правами человека официальной ливийской пропагандой в период правления Каддафи, оказались включены в базовый набор социальных ценностей, сохранившийся и приумножившийся в политической культуре после крушения политической системы Джамахирии в 2011 г., отчасти послужив основой для социального подъема против М. Каддафи и его режима.

В то же время эти конструкты значительно отличаются от принятых в международной практике и определяемых Всеобщей декларацией прав человека, что в результате приводит к диссонансу и непониманию. Число преступлений против человека и его прав в Ливии после свержения М. Каддафи только возросло, т.е. права человека в «западном понимании» нарушаются. Но при этом реализуются те права, которые прижились благодаря «Зеленой книге» и «Зеленой декларации прав человека» М. Каддафи: право на революцию, право на самоуправление, право на войну и т.д.

Литература

Великая Зеленая Декларация Прав Человека в Эпоху Масс // Информационный портал «Каддафи.ру». URL: <http://kaddafi.ru/z-declar.html>

Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.

Козырин А.Н. Джамахирийская политическая концепция и государственный механизм в Ливии М.: МГИМО, 1992.

Лукьянов Г.В. Восприятие и понимание прав человека в официальном политическом дискурсе Ливийской Джамахирии // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в арабском мире. WP18 «Права человека в современном мире». М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 20–38.

Лукьянов Г.В. Выборы во Всеобщий Национальный Конгресс Ливии: контекстуализация, концептуализация и подведение итогов // Новое восточное обозрение. 2012. 16 февраля.

Резолюция совета ООН по правам человека «Ситуация в области прав человека в Ливийской Арабской Джамахирии» (Документ ООН A / HRC / RES / S-15 / 1).

Рясов А.В. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов» М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005.

Сапронова М.А. Арабский Восток: власть и конституции. М.: МГИМО(у); РОССПЭН, 2001.

Смирнова Г.И. Опыт ливийской революции. Преобразование социально-экономических и политических структур. М., 1992.

Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманская правовая культура. М., 1997.

Ходынская-Голенищева М. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? М., 2013.

Ayoub M. Islam and the Third Universal Theory: Religious thought of Mu'ammар al-Qadhafi. L.: Kegan Paul International, 1987.

Chivvis Ch.S. Libya and the Future of Liberal Intervention // Survival: Global Politics and Strategy. 2012. Vol. 54. No. 6. P. 69–92.

Chivvis Ch.S. Toppling Qaddafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Coleman I. Women and the Arab Revolts // The Brown Journal of World Affairs. 2012. Vol. 18. No. 1. P. 222–224.

El Fathaly O., Palmer M., Chackerian R. Political Development and Bureaucracy in Libya. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1977.

Gaddafi M. The Green Book. Part One. The Solution of the Problem of Democracy. “The Authority of the People”. L., 1976.

Gaddafi M. The Green Book. Part Two. The Solution of the Economic Problem: Socialism. Tripoli, 1978.

Gaddafi M. The Green Book. Part Three. The Social Basis of the Third International Theory. Tripoli, 1979.

Niblock T. “Pariah States” & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. L., 2001.

St John R.B. Qadhafi's World Design: Libyan Foreign Policy. 1969–1987. L.: Saqi Books, 1987.

Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge, 2006.

Vandewalle D. Libya since Independence: Oil and State-Building. Cornell University Press, 1998.

Ч-54 XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст] : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 200 экз. — ISBN 978-5-7598-1118-3 (в обл.).
Кн. 4. — 585, [1] с. — ISBN 978-5-7598-1122-0 (кн. 4).

Сборник составлен по итогам XIV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, организованной Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда и проходившей 2–5 апреля 2013 г. в Москве.

Рассматриваются следующие темы: развитие образования, социология, инструментальные методы в анализе социальных и экономических процессов, медиакоммуникации, аудиовизуальная индустрия. Представлены также результаты проведенных в ВШЭ политологических исследований, исследований массового сознания и исследований в сфере образования.

Для социологов, политологов, журналистов, работников сферы образования, а также студентов, аспирантов и преподавателей вузов. Книга может быть полезна всем, кто интересуется проблемами и перспективами реформирования российской экономики.

УДК 330.101.5(063)

ББК 65.012

Научное издание

XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества

В четырех книгах

Книга 4

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Т.М. Еришова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *О.А. Иванова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 14.03.2014. Формат 60×88 1/16

Печать офсетная. Гарнитура NewtonС.

Усл. печ. л. 35,6. Уч.-изд. л. 34,8. Тираж 200 экз. Изд. № 1724

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52